

Несколько дней спустя в Конвент явилась депутация от коммуны Меннеси, заявившая о том же, и она тоже была принята с одобрением, причем Конвент признал «право граждан принимать ту веру, которую они пожелают принять, и уничтожать обряды, которых они не желают». Депутация от департамента Сены и Уазы, просившая, чтобы никого не назначили на место недавно умершего версальского епископа, тоже была принята с почетным отзывом.

Конвент поощрял, таким образом, движение против католической веры не только тем, что принимал с сочувствием такие депутации, но также и тем назначением, которое давал ценным вещам, отобранным у церквей. Так, например, рака святой Женевиевы, считавшаяся святыней города Парижа, была отослана на Монетный двор. Надо сказать, также, что в этом случае Конвент только продолжал делать то, что делалось уже раньше, в 1790 г., Учредительным собранием.

Тогда Анахарсис Клоотс и Шометт решились сделать еще шаг в том же направлении. Клоотс, прусский барон, всем сердцем отдавшийся революции и проповедовавший союз всех народов, а также прокурор парижской коммуны Шометт, истинный представитель парижского рабочего, уговорили епископа парижского Гобеля отречься от своего духовного сана. Гобель посоветовался на этот счет с епископским советом, который одобрил его намерение, и, известив заранее советы департамента и Коммуны, Гобель явился 17 брюмера (7 ноября 1793 г.) в Конвент с 11 из своих священников сложить атрибуты своего епископского сана и отречься от него. Его сопровождали мэр Паш, прокурор Шометт и два члена Департаментского совета, Моморо (коммунист) и Люлье.

Епископ Гобель произнес по этому случаю речь, в которой говорил, что всю свою жизнь был привязан «к непоколебимым принципам равенства и нравственности, необходимым во всякой истинно республиканской конституции». Теперь он повиновался голосу народа и отказывался исполнять «обязанности священника католической веры». Сложив свой крест и сняв епископское кольцо, он надел эмблему равенства - красный шерстяной колпак, предложенный ему одним из членов Конвента.

Собранием овладел тогда энтузиазм, который можно сравнить только с энтузиазмом в ночь 4 августа. Два других епископа, Томас Ленде и Гэ Верной, равно как и другие члены Конвента, принадлежавшие к священническому сану, бросились к трибуне и последовали примеру епископа Гобеля. Только аббат Грегуар (янсенист) отказался присоединиться к ним. Что же касается до аббата Сиейеса, то он объявил, что уже много лет тому назад отказался быть священником, что у него нет другого исповедания, кроме исповедания свободы и равенства, и что он давно уже стремится к торжеству разума над суеверием и фанатизмом.

Эта сцена произвела глубочайшее впечатление на современников. О ней узнали, конечно, во всей Франции и во всей Европе. И везде она вызвала среди правящих классов усиленную ненависть против республики.

Во Франции движение быстро развилось по всей стране. В первые же две недели несколько епископов и значительное число священников уже сложили с себя священнический сан, и иногда это давало повод поразительным сценам. Так, например, в одной брошюре того времени я нашел следующее описание отречения священников и монахов в Бурже¹.

Сперва упоминаются в этой брошюре священник Ж. Баптист Патен и монах-бенедиктинец Жюльен де Дие, которые сложили с себя свой сан; затем автор продолжает: «Прива, Бриссон, Патру, Руан и Шампион, бывшие митрополические викарии, выступали не последними. Эпик и Каланд, Дюмантье, Вейретон, бывшие бенедиктинцы, Раншон, Коллардо выходят вслед за ними; бывший настоятель Дезормо и его помощник Дюбуа, согбенные годами, идут медленными шагами, и вдруг Лефранк восклицает: «Жгите, жгите наши ставленные грамоты, и пусть самое воспоминание о нашем прошлом звании исчезнет в огне. Я приношу на алтарь отечества эту серебряную медаль». ... Все грамоты духовенства сжигаются на костре, и тысячи криков поднимаются в воздух: «Да погибнет навсегда память о духовенстве!.. Да здравствует великая религия природы!» После чего идет перечисление патриотических приношений. Оно просто трогательно. Патриоты и «братья» - все люди бедные, и «приношения бельем и серебряными пряжками с башмаков преобладают»».

Вообще движение против католицизма, в котором «религия природы» смешивалась с сильным чувством патриотизма, было, по-видимому, гораздо более распространено, чем можно было думать, если не обратиться к подлинным документам того времени.

---

¹ Extraits du registre de la Societe populaire de Bourges, seance du quintidi 25 brumaire de l'an deuxieme de la Republique Francaise une et indivisible. Брошюры Британского музея, т. F. 16 (17).